

Дискуссия об ответственности русского общества за революционный террор. 1879–1881 гг.¹

Важной особенностью терроризма, характерной для всех исторических этапов его развития, является публичность насилия. Логика террористической деятельности не может быть вполне понята без адекватной оценки показательной природы террористического акта. Конечная цель любого террористического акта — воздействие на цель посредством покушения на другую цель.² В силу своей специфической природы, террористический акт нуждается в ответе общества на послание, отправляемое с помощью насилия, в формировании общественного мнения. Таким образом, возникает необходимость исследовать покушения «Народной воли» на Александра II не как борьбу между правительством и партией, но как конфликт, в котором участвовала «третья заинтересованная сторона» — русское общество.

Понимание особой роли общества на протяжении 1879–1881 гг. демонстрировали как власть, так и революционеры. Этот вопрос широко обсуждался на страницах прессы и в речах пастырей Русской православной церкви. После 1 марта 1881 г. дискуссия об ответственности общества за произошедшее цареубийство приняла обличительный характер: обсуждалось не столько участие, сколько вина общества за революционный террор. Попробуем разобраться, в чём именно обвиняли русское общество пастыри с церковных кафедр и журналисты со страниц газет.

В проповеди на Новый год тамбовский протоиерей Михаил Некрасов поучал паству: «не из ада же прямо выскочили эти преступники; не сквозь же землю провалились они; не в аде же скрываются от руки правосудия. Что вы ни говорите, а они дети наши, плоть от плоти нашей, кость от костей наших».³ Русскому обществу ставилось в вину «воспитание» цареубийц. Вопрос о том, каким образом «русские дети» превращаются в террористов, был тесно связан с болезненной проблемой реформирования системы образования. Статьи, посвящённые этой теме, неизменно актуализировали вопрос о революционном движении. Факт участия

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда «Gerda Henkel Stiftung», грант № AZ 06/SR/08.

² *Crenshaw M.* The concept of revolutionary terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. 1972. Vol. 16. № 3. P. 384. *McCormick G. H.* Terrorist Decision Making // *Annual Reviews Political Science*. 2003. № 6. P. 474.

³ Где корень зла? (из слова Тамбовского протоиерея Михаила Некрасова в новый год) // *Церковный вестник*. 1880. № 11. С. 4.

в нём молодёжи был весомым аргументом, использовавшимся журналистами, настаивавшими на необходимости реформы образования, и наоборот, каждое покушение вновь возвращало общество к школьному и университетскому вопросу.

Претензии, предъявлявшиеся к системе образования, различались в зависимости от взглядов тех, кто её обсуждал. Главной бедой среднего образования либералы называли «классическую систему», «непомерные требования программы учения, грозящие ученикам идиотизмом или чахоткой».⁴ По статистике за 1874–1880 гг. полный курс в гимназиях окончило 6 511 чел., а вышло из гимназий, не окончив курса, 51 406 чел. Приводивший эту статистику в докладной записке действительный статский советник Соболев справедливо спрашивал: «неужели эта масса учеников представляла безусловную бездарность и не следует ли искать их выхода из гимназий в ненормальном положении самих заведений?»⁵ В силу цензурных ограничений⁶ на страницы прессы попадали лишь отголоски ожесточённой полемики вокруг «школьного вопроса». В либеральной газете «Голос», чаще прочих и вопреки цензурным ограничениям поднимавшей проблему образования, доказывалось, что «неправильная постановка» школьного дела способствует «распложению “мыслящего пролетариата”».⁷ Корреспондент газеты «Русский курьер» так характеризовал ситуацию в среднем образовании: «Ежегодны тысячи юношей не допускались в учебные заведения, а уже принятые исключались. <...> Юные натуры развращались, совращались с истинного пути и озлоблялись».⁸

Консервативные издания, напротив, стремились доказать, что в основе появления «крамолы» лежат отнюдь не недостатки «классической системы» самой по себе. Так, после покушения 19 ноября 1879 г. журналист «Санкт-Петербургских ведомостей» писал, что современные школьные уставы и строй «не оставляют желать лучшего» и несомненно дадут России со временем достойных граждан.⁹ Такой подход консер-

⁴ Докладная записка действительного статского советника Соболева о причинах революционного движения. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 69. Л. 3. Уже после отставки Д.А. Толстого в Харькове во время масленицы «представляли» Толстого: «идет бледный, худой, а за ним несут трупы умершей молодежи на носилках и идут за трупами, тоже студенты, не краше мертвецов» (*Богданович А. В.* Три последних самодержца. СМ.-Л., 1923. С. 38).

⁵ Докладная записка действительного статского советника Соболева о причинах революционного движения. Л. 2 об.

⁶ С 6 февраля 1880 г. журналистам было воспрещено обсуждать любые вопросы, связанные с системой образования. См.: Циркуляр Главного управления по делам печати, 6 февраля 1880 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 6. 1880. Д. 473. Л. 7).

⁷ Революционные элементы и школа // Голос. 1881. 9 апреля.

⁸ Русский курьер. 1881. 5 марта.

⁹ Покушение на Государя Императора // Санкт-Петербургские ведомости. 1879. 22 ноября.

вативного издания понятен. Введение «классической системы» образования, против которого выступала либеральная пресса, по мысли автора этого проекта Д.А. Толстого, имело целью «спасение» юношества от «материализма и нигилизма».¹⁰ Консерваторы возлагали вину за террор на учителей, допустивших «ужасающую распущенность» молодёжи, царящую в учебных заведениях.¹¹ В газете «Берег» был сделан основательный подсчёт уровня образования подсудимых по политическим процессам: получившие образование — 80 % (из них студентов — 32,5 %), 19 % грамотных, 1 % неграмотных.¹² Кроме учебных заведений, консервативные издания обвиняли и родителей: «заблудшие юноши», родившиеся в период «нигилизма и разврата», «не знали ни Церкви, ни семьи», а потому «с невероятной готовностью идут на позорную смерть, как влекут позорную жизнь».¹³

Подобного же взгляда придерживались пастыри церкви, утверждавшие, что в основе революционного движения лежит разложение семейно-нравственных ценностей. Проповедники вынуждены были признать, что нигилизм «гнездится в семьях, в которых дети с молоком матери всасывают пустоту и распущенность сердца, безверие и разврат».¹⁴ Священник Василий Рождественский утверждал, что юношество не находит в своих отцах достойного примера для подражания, «видят среди нас, взрослых, более соблазнов для своего молодого ума и воли».¹⁵

Вторая «вина» русского общества, обсуждавшаяся на страницах периодических изданий и в проповедях, состояла в безучастном наблюдении за попытками революционеров убить императора. Общим местом в публицистике 1879—1881 гг. было утверждение, что состояние русского общества можно охарактеризовать двумя модными словами — «апатия» («мы сами не чувствуем, как мельчаем, дряннеем и опускаемся, как тупеют наши нервы, дробятся идеалы, материализуются стремления, как лёгкие наши постепенно привыкают к угару, глаза — к серому, бесцветному фону, уши — к фразам, а разум — к спячке и бездействию»¹⁶) и «простра-

¹⁰ Цит. по: *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года. М., 1956. С. 18.

¹¹ Московские ведомости. 1880. 8 марта.

¹² Внутренний отдел // Берег. 1880. 16 марта.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1881. 9 марта.

¹⁴ *Зосимович С.* Речь перед благодарственным молебствием, по случаю избавления Государя Императора от злодейского покушения на его жизнь 19 ноября 1879 // Православное обозрение. 1880. № 1. С. 12.

¹⁵ *Рождественский В.* Слово на день Вознесения Господня 29 мая 1880 // Кафедра Исакиевского собора. Т. 20. СПб., 1880. С. 9.

¹⁶ Наброски и недомолвки // Молва. 1880. 10 февраля. Также: Ежедневное обозрение // Новое время. 1879. 22 ноября; Литература и народ // Страна. 1880. 5 января.

ция» («расслабление, изнеможение, упадок сил»)¹⁷ Это убеждение разделяли журналисты всех газет, вне зависимости от политического направления. В консервативной газете «Санкт-Петербургские ведомости», указывая на плачевное состояние общества, автор рубрики «Обзор дня» связывал его с проблемой всё нарастающей «крамолы»: «мы слабы и слабость наша чувствуется немедленно, как только нужно дать рецепт от удручающего нас зла».¹⁸ Споры между консервативной и либеральной прессой начинались тогда, когда необходимо было прояснить причины «апатии» русского общества и способы его «оживления». Эти вопросы напрямую были связаны с решением проблемы уничтожения терроризма, если его появление ставилось в зависимость от состояния общества.

В либеральной публицистике доказывалось, что причина «апатии» русского общества заключается в тех условиях, в которые оно было поставлено на протяжении последних пятнадцати лет. Виновниками всех бед объявлялись бюрократия, правительство, но никогда лично император Александр II, который представлялся заложником бюрократической системы, искажавшей самые благие его намерения.¹⁹ Не последнее место среди обвиняемых занимали журналисты-консерваторы, во главе с М.Н. Катковым, которые своими нападка на реформы, либерализм и интеллигенцию способствовали возникновению и упрочению «белого террора».²⁰

Последовательность событий в изложении либеральной прессы была следующей: «великие реформы» были прерваны польским восстанием и выстрелом Каракозова. Меры «реакции» поставили русское общество в «пассивное положение»: «ум и воля были парализованы. Общественный дух с каждым годом падал все ниже и ниже. Вялое, апатичное, а отчасти, и безнравственное общество безучастно смотрело, как в его сердце растёт страшный враг, враг отчаянно дерзкий, готовый на всё».²¹ В газете «Неделя» доказывалось, что русское общество при определённых условиях могло бы способствовать подавлению «крамолы», однако в его настоящем положении оно способно только оставаться «пассивным зрителем» правительственных мероприятий.²²

После царевубийства 1 марта 1881 г. представители либеральной прессы согласились признать свою долю вины за трагедию на Екатерининском канале. Русское общество своей «апатией» допустило и появление крамолы, и убийство царя, но большая ответственность лежит

¹⁷ Прострация // Неделя. 1880. 30 марта.

¹⁸ Обзор дня // Санкт-Петербургские ведомости. 1880. 9 февраля.

¹⁹ См.: Молва. 1881. 2 марта; Царский завет // Голос. 1881. 4 марта.

²⁰ наброски и недомолвки // Молва. 1880. 17 февраля. Также: Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1880. № 3. С. 133–134.

²¹ За две недели // Голос. 1881. 17 марта.

²² Неделя. 1881. 8 марта.

на тех, кто довёл его до такого состояния. «Казнись, русское общество! Казнитесь, виновники его апатии!»,²³ — это восклицание на страницах «Голоса» могла бы повторить вся либеральная часть русской прессы.

Совершенно иначе причины «апатии» общества оценивались представителями консервативного лагеря. При этом, если либералы в своих оценках были относительно едины, то в консервативной публицистике можно выделить две точки зрения на происходящее: точку зрения М.Н. Каткова и его сторонников, с одной стороны, и более умеренной части консервативной прессы — с другой. Различие позиций особенно ярко проявилось в эпоху «новых веяний», когда статьи в «Новом времени» и «Современных известиях» мало чем отличались от публикаций «Голоса» и «Молвы». После царевубийства 1 марта 1881 г., напротив, консервативный лагерь демонстрировал единство. Более того, «Санкт-Петербургские ведомости» даже превзошли М.Т. Каткова по жёсткости критики своих противников.

В изложении сотрудников умеренно-консервативного издания А.С. Суворина причина «нездорового» состояния русского общества также заключалась в остановке «правильного» развития. При этом, если либералы обвиняли в этом правительство, напрасно испугавшееся «случайного» выстрела Каракозова, то консерваторы возлагали ответственность на революционеров. Власть должна была реагировать на пропаганду, чтобы продемонстрировать населению, что она «твёрдо держит в своих руках все те меры и средства, которые обеспечивают стране внутреннее развитие и внутренний порядок».²⁴ Либералы винили за состояние общества в первую очередь систему, которая не позволяет ему свободно высказывать мнение и удовлетворять «нравственные нужды»,²⁵ консерваторы — «отсутствие души, преобладающий формализм во всех живых колёсах нашей административной машины».²⁶ Особенно страстным нападкам бюрократия подверглась после 1 марта 1881 г. со стороны «Санкт-Петербургских ведомостей». В этой газете её клеймили за то, что она «давно потеряла чувство народного пульса и, как наёмная дружина в государстве — служит в данную минуту тому, кому ей выгодно служить».²⁷ В статье от 10 марта, которая едва не привела газету к закрытию за «крайне реакционное направление»,²⁸ «тунеядной администрации», обвинявшей в том, что под её покрови-

²³ Интересы дня // Голос. 1881. 8 марта.

²⁴ О мерах против злодейских покушений // Новое время. 1880. 14 февраля.

²⁵ Страна. 1881. 3 марта.

²⁶ Современные известия. 1880. 9 февраля.

²⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1881. 8 марта.

²⁸ Докладная записка М.Т. Лорис-Меликова Александру III. 15 марта 1881. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 533. Л. 1 об.

тельством образовалось «общество повального тунеядства», было дано определение «либеральной». «Чиновничий либерализм» характеризовался как «ничего неделание», страсть к наживе и меркантилизму.²⁹ Таким образом, в этой статье соединились два обвиняемых в «растлении» общества — бюрократия и либерализм.

Обвинение последнего в большей степени было характерно для публицистики М.Н. Каткова. Именно в его статьях ярче всего была представлена вторая точка зрения на причины «апатии» русского общества, которые виделись в некоем органическом пороке, изначально ему присущем, и стремительно развившемся под влиянием распространившегося либерализма. Либерализм, проникнув в «высшие сферы», «образованные слои общества», печать и школу, создал «среду», откуда «крамола» черпала исполнителей для своих замыслов. С точки зрения И.С. Аксакова, либерализм «растлевать и ум, и душу русского общества, парализует смысл и волю, путает нравственные понятия, обращает человека в своего рода умственного и нравственного евнуха».³⁰ М.Н. Катков сводил сущность либерального учения к «бессмысленному отрицанию всего»,³¹ фактически ставя знак равенства между либерализмом и «нигилизмом», между либералами и террористами. Похожим образом о связи между «надпольными» и «подпольными радетелями» писали сотрудники газеты «Берег»: либералы говорят «то же самое», что и революционеры, пусть и другим языком.³²

Полемика консервативной и либеральной печати о состоянии русского общества, причинах появления крамолы и т.д. по сути велась вокруг одного главного вопроса о том, каким путем следует развиваться России дальше, какой государственный строй соответствует потребностям страны. Во время террористической кампании 1879—1881 гг. этот вопрос формулировался как вопрос о способах борьбы с «крамолой».

В либеральной публицистике ставился знак равенства между искоренением революционного движения и «оживлением» общества. После покушения 19 ноября 1879 г. в журнале «Отечественные записки» был дан совет правительству: следует воспользоваться помощью земств и органов городского самоуправления, представители которых способны — «в пределах своего района» — разъяснить «все наболевшие вопросы».³³ Взрыв в Зимнем дворце сделал предложения либеральной прессы ещё более определёнными: дворянские корпорации в силу имеющегося у них

²⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1881. 10 марта.

³⁰ Русь. 1881. 12 марта.

³¹ Там же. 1881. 15 марта.

³² Подпольные благодетели и надпольные радетели // Берег. 1880. 30 марта

³³ Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. № 12. С. 214.

права и земства, в виде исключения, могут дать «указания» обо всех «недугах» страны, порождающих крамолу. Правительству, в свою очередь, следует воспользоваться этими советами «по своему усмотрению».³⁴ Более ясно высказался В.А. Полетика: «...нужно усилить влияние и компетентность гласного суда и его органов, воскресить и укрепить земства, щедрою рукою разбросать миллионы на элементарное образование, <...> открыть арену для плодотворной, твёрдо-прогрессивной общественной работы, дать нашей жизни идеалы цели и внешние средства».³⁵ Разумеется, подобные осторожные высказывания не представляли собой всю либеральную программу. Цензурные ограничения до определённого момента не позволяли представителям различных либеральных течений писать более определённо.

Сразу после царевубийства была предпринята попытка либеральных кругов открыто выступить со своими программными требованиями. В газете «Порядок» был дан совет новому государю — обратиться к «излюбленным людям».³⁶ Ссылаясь на «чрезвычайные обстоятельства», газета «Страна» требовала «уменьшить ответственность главы государства» с тем, чтобы оградить его впредь от покушений. «Надо, чтобы основные черты внутривластных мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности», — писал И.Н. Харламов.³⁷ 4 марта последнее предложение было поддержано в газете «Голос»: необходимо «установление таких органов общегосударственной жизни, перед которыми исполнители ответственны».³⁸ За эти статьи газетам «Страна» и «Голос» были вынесены предупреждения М.Т. Лорис-Меликовым.³⁹ Других попыток открыто заявить о своих требованиях русские либералы не предпринимали. Статьи марта-апреля 1881 г. были наполнены, с одной стороны, критикой тех предложений, которые высказывались справа,⁴⁰ а с другой, требованием развития реформ прошедшего царствования.⁴¹ О формах, в которых это требование может быть осуществлено, либералы молчали.

Мнения о том, каким образом следует бороться с терроризмом, высказывавшиеся на страницах консервативных изданий, отличались,

³⁴ Страна. 1880. 14 февраля.

³⁵ Наброски и недомолвки // Молва. 1880. 10 февраля.

³⁶ Порядок. 1881. 3 марта.

³⁷ Страна. 1881. 3 марта.

³⁸ Интересы дня // Голос. 1881. 4 марта.

³⁹ Подробно см.: *Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В.* Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80 гг. XIX века. М., 1997.

⁴⁰ Недомолвки наших охранителей // Порядок. 1881. 14 марта; Интересы дня // Голос. 1881. 11 марта; Предстоящий путь // Неделя. 1881. 22 марта.

⁴¹ Смутные дни // Неделя. 1881. 15 марта. Также: Молва. 1881. 6 марта.

по сравнению с либеральными проектами, большей пестротой и противоречивостью, но в то же время и большей степенью конкретизации. Очевидно, эти мнения рождались в острой полемике с либералами, как реакция на идею соучастия общества в управлении государством. Представители консервативных кругов оказались в сложном положении во время «диктатуры сердца»: после длительного периода торжества «охранительного направления» во внутренней политике, им пришлось уступить свои позиции. В этой ситуации для них было два выхода: либо оказаться в оппозиции новому правительственному курсу, либо пойти на уступки. Убийство Александра II восстановило пошатнувшееся было положение. Колебания правительственного курса в значительной степени определяли изменения в позиции различных консервативных кругов на протяжении 1879–1881 гг.

Выразителем крайней охранительной позиции на протяжении долгих лет оставался М.Н. Катков. Суть его программы сводилась к всемерному укреплению самодержавной власти и обузданию либеральной партии. Формуле «бездействует власть, и появляются признаки хаоса; появляются эти признаки, значит, бездействует власть»⁴² — было подчинено видение публицистом проблемы терроризма. В русле этой формулы находилась идея установления диктатуры, которую он отстаивал после взрыва 5 февраля 1880 г.⁴³ Параллельно с усилением власти, по мнению Каткова, необходимо было «укрепить общественную нравственность». В отличие от либералов, полагававших, что «лечение» общества — дело рук самого общества, московский публицист настаивал, что эту задачу должна решать власть, приняв «необходимое направление» «в правительственных мерах и в законодательстве».⁴⁴ Хотя либеральные публицисты до 1 марта избегали в своих статьях открыто говорить о представительстве, М.Н. Катков видел в любых высказываниях об «оживлении» общества требование ограничения самодержавия.⁴⁵ «Диктатура», против которой первоначально протестовали либеральные издания,⁴⁶ не оправдала надежды М.Н. Каткова, выступившего с резкой критикой обращения М.Т. Лорис-Меликова «К жителям столицы».⁴⁷

Более конкретная программа борьбы с «крамолой» была предложена на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей». Её автор, вспоминая действия М.Н. Муравьёва в Вильно, советовал «устрашать устра-

⁴² Московские ведомости. 1879. 21 ноября.

⁴³ Там же. 1880. 7 февраля.

⁴⁴ Там же. 1880. 8 февраля.

⁴⁵ Там же. 1880. 14 февраля.

⁴⁶ Страна. 1880. 14 февраля; За неделю //Молва. 1880. 10 февраля.

⁴⁷ Московские ведомости. 1880. 21 февраля. Эта критика была поддержана в «Современных известиях». См.: Современные известия. 1880. 17 февраля.

шителей».⁴⁸ Именно на страницах этой газеты была отмечена главная особенность всех либеральных проектов борьбы с терроризмом: убеждение, что введение представительства само собой заставит террористов «устыдиться». Критикуя такой подход, автор фельетона «Кот и повар» писал: «не указывайте же на реформы как на самое серьёзное оружие против анархистов и крамолы».⁴⁹

Общей особенностью всех консервативных проектов было то, что они рассматривали правительство как единственную силу, способную противостоять «крамоле». Соответственно, все советы были советами, каким образом действовать власти. Обществу отводилась скромная роль: всячески поддерживать эти меры.

Обращаясь к анализу положения общества и его роли в террористической кампании журналисты не могли обойти молчанием собственное участие в происходящих событиях. Пресса занимала по отношению к обществу двоякое положение: с одной стороны, журналисты стремились доказать, что именно они — единственные выразители общественного мнения,⁵⁰ с другой стороны, русская печать претендовала на то, чтобы быть «воспитательницей» общества. В последнем случае она ставила себя над обществом, предполагая, что в последнем «носятся скорее обрывки мыслей, чем ясное представление о главных нуждах».⁵¹

Какую бы роль ни приписывали себе журналисты, они неизменно признавали своё непосредственное участие в событиях террористической кампании. Обсуждение сводилось к тому, способна или нет пресса влиять на происходящее. Для либеральных журналистов вопрос о собственном участии был непосредственно связан с проблемой свободы печати: в один голос они заявляли, что в настоящую минуту они вынуждены молчать, а вместе с ними молчит и всё общество. Журналисты доказывали: либеральная печать вынуждена молчать не только в силу стесняющих её административных ограничений, но и из-за той травли, которой она подвергается со стороны консервативного лагеря. «Наиболее честная, здравомыслящая и либеральная часть русской печати говорит намеками и полунанеками, когда требуется особенно ясная и вразумительная речь <...> между тем подонки печати, пользуясь стеснённым положением в принципиальной постановке и обсуждении вопросов внутренней нашей политики, поднимают невообразимую суматоху и гвалт, кричат, размахивают руками, скрежещут

⁴⁸ Обзор дня // СПВ. 1880. 15 февраля. Также: *Домино*. Вчера и сегодня // Современные известия. 1880. 3 марта.

⁴⁹ *Amicus*. Кот и повар // Санкт-Петербургские ведомости. 1880. 29 февраля.

⁵⁰ «Печать есть представительница и выразительница общественного мнения», — писали «Санкт-Петербургские ведомости» (Современное положение русской печати // Санкт-Петербургские ведомости. 1880. 11 марта).

⁵¹ Страна // Страна. 1880. 1 января.

зубами»,⁵² — писала «Молва». Роль консервативной печати в царевубийстве была определена «Молвою» следующим образом: «Именно вы, публицисты Страстного бульвара, деятели реакции, незримо управляли деятельностью «Исполнительного комитета» и теперь <...> вы действуете в руку «Исполнительному комитету», служите ему усердную службу».⁵³

В свою очередь консервативная печать, не вдаваясь в обсуждение, какую роль может сыграть она сама, также анализировала роль либеральной прессы в происходящем. «Охранители» приходили к выводу, что именно либеральная печать развратила общество, внося в него ложные понятия, распространяя ««лже-либеральные идеи». Редактор газеты «Берег» находил прямую связь между идеями «Народной воли» и писаниями «междустрочников» в легальных изданиях.

О чем бы ни говорили журналисты, они всегда возвращались к состоянию русского общества. Именно оно воспитывает террористов. Именно общество своей апатией позволяет «крамольникам» действовать, совершая «беспримерные в истории злодеяния». И именно общество может положить «крамоле» конец. Это представление об исключительной роли, которую общество играет в событиях террористической кампании, было свойственно журналистам как либерального, так и консервативного лагеря. Если церковь призывала в первую очередь к соборной молитве перед престолом Господа, к объединению вокруг монарха, то журналисты говорили, что общество может самостоятельно повлиять на ход террористической кампании. «Крамола» развивается и действует столь успешно только потому, что общество не использует свою потенциальную способность к её уничтожению. Противоречия среди журналистов начинались именно с вопроса, почему так происходит.

В основе разногласий лежало разное понимание того, каким путём следует развиваться России. Выступавшие за незыблемость самодержавия консервативные публицисты доказывали читателям, что успехи «крамолы» стали возможны вследствие попустительства ей со стороны общества, поддавшегося внушению «лже-либералов». «Крамола» исчезнет, когда общество, наконец, осознает свой долг в отношении правительства, искоренит пороки и нестроения, займётся должным воспитанием молодёжи и отречётся от вредных идей ради верности престолу и отечеству. Либеральная часть прессы доказывала, что общество апатично и безучастно, но находила для него оправдание в неразвитости «общественной самодеятельности». Стоит лишь предоставить ему возможность свободно говорить и действовать, и «крамола» исчезнет сама собой.

⁵² Неразборчивые на средства журналисты // Молва. 1881. 10 марта.

⁵³ Из газет и журналов // Молва. 1881. 8 марта.